

ДИВНЫЙ НОВЫЙ МИР

Размышления о романе Олдоса Хаксли

*«О чудо! Какое множество прекрасных лиц! Как род людской красив!
И как хорош Тот новый мир, где есть такие люди!» (Шекспир, Буря)*

*«И народа больше нет – есть масса, освобожденные от каких-либо высоких
идеалов» (Жан Бодрийяр, Эмиль Чоран)*

*И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма.
И был вечер, и было утро: день шестой. (Книга Бытие 1:31)*

Вы никогда не задавались вопросом: «почему антиутопия как жанр набирает такую популярность в наше время?». Я не обладаю точной статистикой, едва ли такая вообще существует, но мой читательский опыт подсказывает, что современный читатель из множества других произведений с большой вероятностью узнает такие названия как: «1984» и «Скотный двор» Джорджа Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» Рэя Брэдбери или «Мы» Замятина. По некоторым из них были сняты фильмы, а буквально в этом году вышел сериал «О, дивный новый мир» по мотивам одноименного романа Олдоса Хаксли.

В книжных магазинах появляются переиздания антиутопий, в этом году выходит украинский перевод биографии Джорджа Оруэлла, в масс-культуре появляются отсылки к этим романам. Например, фразы «Общность, одинаковость, стабильность» или «Большой брат следит за тобой» стали крылатыми и многими воспринимаются уже в отрыве от контекста. Но больше всего нас интересуют вопросы: «Что может почерпнуть для себя современный христианин, обращаясь к жанру антиутопии?», «На что мы должны обратить внимание, чтобы понять современного человека ещё больше?». Подобные вопросы должны ставить перед собой не только философы или социологи, но и христиане, которые хотят понимать окружающий мир.

Артём Перков, магистр английской и украинской филологии, старший сотрудник миссии «Украина для Христа» (отдел работы со студентами), церковь «Живая надежда» (Харьков, Украина).

Мы попробуем погрузиться в один из самых известных романов 20 века «О, дивный новый мир», чтобы понять, почему антиутопия как жанр не теряет популярности, а также дать ему не столько литературную, социологическую или психологическую интерпретацию (хотя, конечно, будем прибегать и к ним), а богословскую. Антиутопия - это феномен, поэтому нам нужно его осмыслить, чтобы ещё больше понимать современного человека. Подобная цель становится поистине важной, если мы напомним себе, что настоящая миссия невозможна без диалога с этим миром, а настоящий диалог, в свою очередь, возможен при условии, что мы стремимся к пониманию другого. Перефразируя Карла Барта: «Для того, чтобы понимать современное общество, мы должны держать в одной руке Писание, а в другой - томик Олдоса Хаксли». Безусловно, этот тезис выглядит провокационно, но в этой статье мы попробуем показать, что попытки понять современное общество, читая «Дивный новый мир» - это не гадание на кофейной гуще, а, скорее, интерпретация дорожных карт, где есть своя аналитика и закономерности.

Опытный читатель знает: для того, чтобы лучше понимать замысел любой книги, он должен понять автора. В случае с Олдосом Хаксли это правило является одним из краеугольных. Поэтому мы начнём с того, что оговорим несколько интересных деталей из его биографии, которые помогут нам увидеть сюжет и заложенную в него идею более объёмными

Олдос Хаксли родился в 1894 году в Британии. Пересечение столетий было поистине знаковым: мир был поглощен идеей научно-технического прогресса. Конец 19 столетия ознаме-

новался открытиями в мире биологии, физики, химии, истории, археологии. Подобные открытия не могли не повлиять на Британскую интеллигенцию, которая с логикой древних афинян желала примкнуть к чему-то новому. Они видели человека будущего — прогрессивным и преодолевшим проблемы, которые ещё недавно казались непреодолимыми. Несколькими десятилетиями ранее, учёный Чарльз Дарвин запускает целую волну обсуждений, связанную с происхождением видов, а философ Фридрих Ницше с присущей ему пронизательностью, ощущает последние вздохи старой христианской цивилизации. Олдос Хаксли и по отцу, и по матери принадлежал к британской интеллектуальной элите, поэтому неудивительно, что гуманистический оптимизм, который излучало окружение его родных, стал одним из объектов его изучения и последовал за ним в «Дивный новый мир». Хаксли был внуком-счастливчиком: его дед по отцовской линии — великий биолог-эволюционист Томас Генри Гексли (1825-1895). Дед по материнской линии — поэт и просветитель Мэтью Арнольд (1822-1888).

Эта особенность показывает, что уже с ранних лет Олдос Хаксли испытал на себе влияние двух разных, но одинаково важных сфер — науки и искусства (Science and Art). Если учёный-эволюционист — это носитель материалистического мировоззрения по преимуществу, то поэт — это носитель анти-научного мировоззрения. Здесь важно быть внимательными: под анти-научным я подразумеваю не псевдонаучные теории, а мировоззрение, бросающее вызов научному материализму, в котором нет места красоте и свободе, как главным атрибутам поэтического мышления. Как

Кадр из сериала «Дивный новый мир» по повану О. Хаксли (режисер Дэвид Винер, 2020 г.)

здесь не вспомнить цитату Честертона из его «Ортодоксии»: «Принять всё — радостная игра, понять всё — чрезмерное напряжение. Поэту нужны только восторг и простор, чтобы ничто его не стесняло. Он хочет заглянуть в небеса. Логик стремится засунуть небеса в свою голову — и голова его лопаётся»^[1].

Вот эти два начала: научно-материалистическое и религиозно-мистическое сопровождали Хаксли и после «Дивного нового мира».

Автор понимал, что чрезмерное упоение научным прогрессом без должного внимания человеческой душе и духовности приводит к омерщвлению и деградации. Возможно, именно по этой причине Хаксли всегда искал себя в различных мистических практиках, пара-психологических экспериментах или в употреблении наркотических средств, расширяющих сознание.

^[1] Г.К. Честертон, *Ортодоксия*. — Минск: Белорусский Экзархат, 2014, с. 5.

Также, через призму этих фактов становится более понятным его знакомство (1938 г.) и последующая дружба с индийским духовным учителем Джидду Кришнамурти. Важно заметить, что Хаксли не был религиозным человеком в традиционном смысле, он был далёк от христианства, но всю свою сознательную жизнь жил во внутреннем конфликте с верой в то, что научный и технический прогресс сделает человека качественно лучшим. Безусловно, детали биографии Хаксли помогут нам больше понять замысел «Дивного нового мира».

Сюжет «Дивный новый мир»

Действия романа происходят в далёком будущем в вымышленном государстве, которое ведёт своё летоисчисление от имени Генри Форда, известного промышленника и миллионера. Идёт 632 год эры стабильности, Эры Форда. Общество поклоняется

прогрессу и науке, её главный бог — сам Форд, жители осеняют себя знаменем «Т» (от названия автомобиля «Форд Т»). Дети появляются на свет не естественным путём, который ныне считается признаком дикарства, а в специальных инкубаторах. Они вырастают в разных условиях, таким образом в этом мире появляются альфы, беты, гаммы, дельты и эпсилоны. Люди первого сорта — альфы, работники умственного труда, а эпсилоны — предназначены для физического труда, они представители нижней касты. Главная идея общества «Нового мира» — стандартизация, а девиз, который красуется на щите инкубатория подтверждает эту сакральную доктрину: «Общность, одинаковость, стабильность». В этом обществе нет прошлого, «история — это чушь», эмоции — неприличны, а с самого детства человеку внушаются истины о стабильности и одинаковости. Когда-то в «дофордовские» времена у человека были родители, семейный очаг, традиции, но они не принесли ничего хорошего в «Новый мир», поэтому эра стабильности учит человека, что его окружение — это партнёры по наслаждениям. Общество крайне эротизировано и отношения воспринимаются как нечто механическое. Если тебе плохо, то ты должен употребить сому — синтетический наркотик, который миг возвращает улыбку на твоё лицо. Именно здесь появляется крылатая фраза: «Сомы грамм — нету драм». Электронный спорт, синтетическая музыка, фильмы, которые поражают примитивностью своих сюжетов, но так близки представителю Эры Форда. К смерти в этом обществе относятся спокойно, детишек водят на экскурсии к умирающим людям. Никаких экзистенциальных вопросов, никакой меланхолии, никакого Шекспира и

Гёте в этом мире нет. Ценности сведены к механистическим действиям, которые позволяют тебе не выделяться из общей массы, твоя каста предопределяет последующее существование и умственные способности. Вот в таком мире и существуют главные персонажи: альфовец Бернард и представитель касты «бета» Ленайна, решающих навестить с экскурсией заградный мир, который живёт как и раньше: там дети рождаются от матерей, там любят, надеются и плачут. Эти герои знакомятся с Дикарем, который когда-то нашёл сборник произведений Шекспира и говорит на старом английском языке. После его везут в «Новый Мир», где хотят познакомиться с благами цивилизации, но тот не впечатлён и повторяет, что у Шекспира есть куда более удивительные вещи.

Читая даже такое краткое описание, мы удивляемся, как точно Олдос Хаксли описывает мир, в котором живём мы с вами. «О, дивный новый мир» с точностью хирурга показывает место, где нужно сделать надрез. Мы прекрасно понимаем, что этот пациент — современное общество, которое нуждается в таком вмешательстве.

Каков же вердикт нашему обществу выносит Хаксли?

Мы не способны думать? Мы перестали испытывать настоящие эмоции? А может: мы бросаемся по первому зову наших инстинктов? Нет! Олдос Хаксли не только этим романом, но и собственной биографией показывает, что хотя все эти тезисы и верны, они вторичны по отношению к главному: «Общество, в котором технология и научный прогресс первичны перед душой и принадлежностью к большой истории, к прошлому, перестаёт быть человеческим». Человеческое «я» нель-

зя удовлетворить технологией: какая польза от «умного дома», если в нём живёт одинокий человек? Какая польза от технологизации, если она не даёт желанного экзистенциального покоя и осмысленности? Зачем нам нужны пирамиды и мосты, если на их строительстве погибли сотни строителей?

Давайте пойдём по порядку и посмотрим, что «Дивный новый мир», сам того не предполагая, говорит нам о 21 веке.

«История — это чушь»

Зачем нам прошлое, если мы смело идём в светлое будущее? На самом деле, очень часто современный человек разделяет это убеждение. В таких практиках как иудаизм или христианство современный человек видит что-то устаревшее, что когда-то формировало цивилизацию, но сейчас теряет свою актуальность и становится ближе к африканским племенам, чем к современному прогрессивному европейцу. Когда Альберт Швейцер в 1952 году получал в Осло Нобелевскую премию мира, он обратился ко всему миру со словами:

«Давайте осмелимся взглянуть правде в глаза. В наш век человек постепенно превратился в существо, наделенное сверхчеловеческой силой... При этом он не демонстрирует сверхразумность... Становится совершенно очевидно то, в чем мы до сих пор не хотели признаться: по мере прирастания мощи сверхчеловека он превращается в несчастного человека... ибо, став сверхчеловеком, он перестает быть человеком.

[2] Эрих Фромм, *Иметь или быть*. — М.: Издательство АКТ, 2020, с. 8.

[3] Олдос Хаксли, *О, Дивный новый мир*. Пер. с англ. О. Сорока. — М: Издательство АСТ, 2011.

Вот, собственно, то, что нам давно следовало осознать!»^[2]

Опыт показывает, что отказ от прошлого чреват неадекватной оценкой самих себя: мы начинаем думать, будто мы — самые прогрессивные, в отличие от наших первобытных предков. Именно такой урок нам преподнесла история первой половины 20 века. Мы создали ракеты, химическое оружие и корабли, но не стали БОльшими людьми, мы развязали нашу древнюю испорченность.

В романе есть интересный диалог между Дикарём и Мустафой, одним из управителей «Дивного мира»:

— Не хочу я удобств. Я хочу Бога, поэзии, настоящей опасности, хочу свободы, и добра, и греха.

— Иначе говоря, вы требуете права быть несчастным, — сказал Мустафа.

— Пусть так, — с вызовом ответил Дикарь. — Да, я требую^[3].

Дикарь бунтует не против прогресса и удобств, а против того, что их поставили во главу угла, тем самым выхолощивая человеческую сущность, которая способна переживать Бога, чувства и проживать настоящую жизнь.

«Сомы грамм — нету драм»

Именно такую поговорку используют жители «Дивного нового мира», подразумевая, что таблетка под названием «сомм» поможет решить их эмоциональные проблемы. Такую логику предлагает не только мир антиутопии, но и наша эпоха. В своём монументальном труде «Секулярный век» философ и социолог Чарльз Тейлор утверждает, что человек на пересечении 20 и 21 века отказался от слова «грешник» поскольку посчитал, что оно ограничивает его величие.^[4] «Грешника» мы решили заменить на

«пациента», который в глазах психологов-бихевиористов всегда жертва обстоятельств. В это время доктрина о греховности человека свидетельствует о нашей ответственности и возможности выбирать: «Избери жизнь» мы читаем во Второзаконии. Чарльз Тейлор приходит к интересному выводу: христианская идея греха приводит человека к большей свободе, чем популярная светская концепция «жертвы обстоятельств», именно тем, что ставит выбор перед самим человеком. Ставить перед выбором - это уважать нашу способность принимать решения.

Вуннибалд Мюллер, утверждает, что смена методов лечения и определения депрессии выявила среди общего количества населения больше случаев депрессий, чем ожидалось^[5]. Там же автор, ссылаясь на психолога Даниэла Хелла, говорит, что каждый пятый житель нашей планеты рискует на какой-то отрезок времени впасть в депрессивное состояние. А журнал Business Insider в исследовании 2019 года утверждает, что суицид стал второй причиной смертности среди молодого поколения^[6]. Мы не имеем права обобщать, но очень часто кризис смыслов ведёт к радикальным решениям в жизни человека. Суть не в том, что медикаментозное лечение депрессий — ошибочно, едва ли мы можем компетентно об этом рассуждать, а в том, что человек перестаёт воспринимать себя как участника процесса, который всё ещё может нести ответственность за свою жизнь.

^[4] Чарльз Тейлор, *Секулярна доба*, том 2. — Київ: Дух і Літера, 2018, с. 340-341.

^[5] Вунібалд Мюллер, *Як вийти з депресії*, Київ: Колесо Життя, 2020, с. 15.

^[6] Business Insider: <https://www.businessinsider.com/cdc-teenage-gen-z-american-suicide-epidemic>

«Смерть — это нормально»

Пожалуй, именно с этой интерпретацией Хаксли мне сложнее всего согласиться. Я убеждён, что современный человек скорее не знает как говорить о смерти и просто избегает разговоров о ней. Тот же Чарльз Тейлор пишет, что умирающие люди в нашем мире чувствуют на себе вину в том, что они обременяют своих близких своим присутствием и боятся заговорить об этом. Мы живём в мире, который отрицает смерть.^[7] Не буквально, а экзистенциально: мы мы так и не выработали язык, который поможет нам говорить о ней. С одной стороны, нас не нужно убеждать, что смерть - это общая перспектива, с другой, мы профанируем её. Отношение нашего общества к смерти мы можем проследить в масс-культуре, где смерть - это развлечение, неотъемлемая часть любого фильма или видео-игры. Более того, смерть как феномен игнорируется и в психотерапевтических практиках, экзистенциальный психолог Ирвин Ялом утверждает: «...психотерапевты редко говорят о смерти. Смерть не замечается, и не замечается самым вопиющим образом, почти во всех областях профессиональной сферы, связанной с психическим здоровьем, — в теории, фундаментальных и клинических исследованиях, клинической практике. Единственное исключение составляет сфера, где смерть невозможно игнорировать: забота об умирающих. Статьи о смерти появляются в психотерапевтической литературе лишь эпизодически...»^[8]. Хаксли был

^[7] Ирвин Д. Ялом, *Экзистенциальная психотерапия*. — М.: Независимая фирма «Класс», 1999, с. 64.

^[8] Чарльз Тейлор, *Секулярна доба*, том 2. — Київ: Дух і Літера, 2018, с. 511.

прав в том, что показал взаимосвязь: если ты считаешь жизнь человека биологической случайностью, то смерть является просто пограничным состоянием, она - логичный финиш каждого живого организма. Здесь христианин скажет: «Нет. Смерть - это никак не необходимость». Да, это нечто неизбежное в нашем мире, но это не делает смерть естественной. Библейский нарратив показывает нам, что смерть - самое неестественное, что может быть в жизни человека, возможно, поэтому Бог оставляет её напоследок: «Последний же враг истребится - смерть».

Другой – это не Божий образ

и даже не венец природы, а средство утоления твоих сексуальных потребностей. В мире Хаксли чем больше у тебя партнёров, тем лучше. Хаксли уже тогда нащупывает один из главных нервов 20 и 21 века - излишняя сексуализация и как следствие - появление порноиндустрии, которая не только легальна, но и является одной из самых популярных. Не нужно никого убеждать в том, что порнография тесно связана с насилием на экране: даже если это насилие — игровое, может ли эта тесная взаимосвязь что-то сказать о порнографии, как о феномене? В сексуализированном мире Другой лишён человеческого облика, он всего лишь объект для вымещения чужой агрессии и желаний.

В Декабре этого года лауреат Пулитцеровской премии и колумнист New York Times Николас Кристоф опубликовал расследование^[9], в котором подробно описал, что самый известный порно-сайт в мире даже не пытался фильтровать видеоконтент с элементами

^[9] Николас Кристоф. <https://www.nytimes.com/2020/12/04/opinion/sunday/pornhub-rape-trafficking.html>

насилия, в том числе, по отношению к подросткам. После этого расследования и того шума, который поднялся вокруг него, сайт был вынужден удалить от 6 до 10 миллионов видео. Вечером 13 декабря на сайте было около 13,5 миллионов видео, а наутро 14 декабря — от 2,9 до 7,2 миллиона.

Только после этих цифр я процитирую одного из персонажей нашего романа: «Все люди в физико-химическом отношении равны». В «Дивном новом мире» человек сведён к функции, чтобы каждый мог восполнить свои животные потребности

Что же делать христианину после прочтения этой статьи? В очередной раз убедиться, что мы живём в абсурдном обществе? Можно и так, но я бы хотел предложить более сложную перспективу.

Читая «Дивный новый мир», невольно приходишь к выводу, что мы живём в абсурдном и жестоком мире. Но это не всё, что мы можем сказать о мире, если смотрим на него через призму красоты Божьего творения. Мир испорчен грехом, и чтобы убедиться в этом, много усилий не потребуется. А вот для того, чтобы увидеть красоту окружающего мира, природы, гармонии, которая в нём всё ещё присутствует, нужен острый и внимательный взгляд. Такой взгляд подвластен не всем, только тем, кто видит гармонию мира с его Создателем, и понимает, что эта красота — настоящий вызов для современного человека. «Дивный новый мир» лишён красоты, но не наш мир, поскольку он всё ещё под пристальным Божиим руководством. «Дивный новый мир» — это мир ужасающих закономерностей, где сильный безнаказанно пожирает слабого, но наш мир движется по Божиим правилам. Вместе с Екклесиастом мы

говорим «Всё соделал Он прекрасным в своё время...».

Как ни парадоксально, общество 20 века теряет свой интерес именно к красоте. Перефразируя одного богослова: слову «красота» мы предпочитаем слово «интересно». Это не случайно, потому что «интересное» не несёт в себе никакого вызова, оно ни к чему нас не обязывает. Мы можем быстро терять интерес безо всяких последствий. Мир, в котором все процессы случайны и лишены божественного прикосновения — это мир, в котором «интересно» — это максимум.

Красота же бросает нам вызов, не удивительно, что для грека слова «красота» и «вызов» — однокоренные. Проницательные греки понимали, что красота, если она подарена Богом, бросает нам вызов присоединиться к ней, перестать видеть себя в категории случайности и абсурда. Признать красоту этого мира — сделать первый шаг навстречу с её Создателем, а значит — отказаться от категорий случайности, бессмысленности и абсурда.

Православный богослов Дэвид Бентли Харт в книге «Красота бесконечного» пишет о парадоксе христианского понимания красоты:

«...прекрасное не всегда непосредственно предоставляет себя любому вкусу; красота Христа, подобно красоте страдающего раба, о котором говорит пророк Исайя, не выражается в праздной миловидности..., но требует любви..., которую не ужасает расстояние тайны...; это значит — достигать того, что Августин называл склонностью к красоте Бога»^[10].

^[10] Дэвид Бентли Харт, *Красота бесконечного. Эстетика христианской истины*. — М.: ББИ, 2010, с. 30.

^[11] Юрген Мольгман, *Человек*. — М.: ББИ, 2013, с. 105.

Автор говорит, что только пристальный взгляд способен раскрыть нам красоту боговоплощения и страдания Христа на кресте. Мир, который воспринимает распятие как безумие (1 Кор. 1 глава), не понимает красоты Божьего замысла. Поэтому христианин — это человек, который при всей абсурдности окружающей нас реальности, во-первых, сам принимает вызов видеть красоту, во-вторых, приглашает в неё других. «Пойдём, посмотрим» — именно с этих слов началось знакомство человечества с тайной Боговоплощения.

Общество, в котором мы живём, нуждается в красоте. Мир, который живёт инстинктами, игнорирует реальность смерти, отказывается мыслить, нуждается в Логосе, в Слове Жизни, в Том, Кто показывает нам, почему наша жизнь такова, какова она есть. Христиане должны не только выносить приговор этому миру, пророческая роль заключается и в том, чтобы бросать этому миру вызов. Лютеранский теолог Юрген Мольгман утверждает что идея Образа Божьего в каждом человеке, была революционной в мире, где таким образом обладал только фараон или император^[11]. Теперь мы живём в мире, где даже император не обладает Образом Божиим. В нашем мире мы все — продукт эволюции, который качественно не отличается от амёбы. Христианское мировоззрение утверждает: быть человеком — это быть личностью, наделённой свободой выбора и ответственностью перед Богом; это обладать уникальными свойствами характера и талантов, и как следствие — способность мыслить этот мир Божиим, а значит — красивым.

К сожалению, христиане иногда забывают о том, что эстетика (учение

о прекрасном) неотделима от этики (учение о добре и зле). Мы много говорим о том, что правильно, но мало о том, почему это прекрасно.

Светский человек нередко видит в христианстве не большее, чем набор правил, канонов и запретов. Для современного прогрессивного человека христианский взгляд на брак (недопустимость добрачных отношений, верность одному человеку) ничто иное, как пережиток прошлого, устаревшая этика. Нередко в кругу самих христиан запреты на те или иные вещи и практики никак не объясняются, хотя о них обязательно напоминают на собраниях и в кулуарах. Вернуть этике эстетику — одна из наших задач. Показать (сначала понять), что христианская этика прекрасна, что христианский взгляд, например, на интимные отношения — это не набор запретов, а руководство к глубокому пониманию этого феномена (в отличие от «Дивного нового мира», где утолять свои потребности — норма); что брак между одним мужчиной и одной женщиной — не догма, но прекрасный Божий замысел, которому нет здоровой альтернативы; что результат греха — не оскорбленный Бог, а наше опустошение; что страдания — это не результат эволюции и химических процессов в голове, а то, что необходимо пройти, в них есть смысл; Божий Суд — это не архаичный миф, а признак того, что Бог к нам серьезно относится. Красота — это расстояние между Божьим замыслом и нами, она скрывается в понимании этого замысла.

Отнимая от этики прекрасное, мы превращаем христианство в обычную религию, набор догм и правил, которые просто необходимо выполнять. Вернув этике красоту, мы сможем приглашать других в Божественную

историю, которая повествует нам, как далеко заходит Бог, Творец всего прекрасного, в любви к нам. В религии мы служим сакральному, в христианстве Бог Воплощается, чтобы служить нам.

«Дивный новый мир» крайне детерминирован, лишен этики и красоты. Наш мир не преуспел ни в том, ни в другом. Христианин, как посланник, должен нести весть Божьей красоты в наш мир, чтобы он не стал «Дивным новым миром», наша задача, как и пастухи, сказать другому «пойдём, посмотрим», пригласить его в Божественную историю, полную смысла и красоты.

Библиография

- Кристоф, Николас: <https://www.nytimes.com/2020/12/04/opinion/sunday/pornhub-gape-trafficking.html>
- Мольгман, Юрген. *Человек*. — М.: Библейско-богословский институт им. ап. Андрея, 2013.
- Мюллер, Вунібалд. *Як вийти з депресії*. — Київ: Колесо Життя, 2020.
- Тейлор, Чарльз. *Секулярна доба*, том 2. — Київ: Дух і Літера, 2018.
- Фромм, Эрих. *Иметь или быть*. — М.: Издательство АКТ, 2020.
- Хаксли, Олдос. *О, Дивный новый мир*. Перевод с англ. О. Сорока. — М.: Издательство АСТ, 2011.
- Харт, Д. Б., *Красота бесконечного. Эстетика христианской истины*. — М.: Библейско-богословский институт им. ап. Андрея, 2010. — 630 с.
- Честертон, К.Г. *Ортодоксия*. — Минск: Белорусский Экзархат, 2014.
- Ялом Ирвин Д. *Экзистенциальная психотерапия*. — М.: Независимая фирма «Класс», 1999.
- Business Insider: <https://www.businessinsider.com/cdc-teenage-gen-z-american-suicide-epidemic>